

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА В РИМЕ**

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА В РИМЕ

**ПИСЬМА
ЛИДИИ ВЯЧЕСЛАВОВНЫ
ИВАНОВОЙ
К ЕЛЕНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ
МИЛЛИОР
1924–1939**

Публикация Т. В. Мисникевич

Рим–Санкт-Петербург
2019

УДК 82.0
ББК 83.3
П35

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта 18-012-00286
«Электронный архив Вячеслава Иванова: интеграция материалов
собраний Рукописного отдела Пушкинского Дома
в международную информационную среду»*

П35 **Письма** Лидии Вячеславовны Ивановой к Елене Александровне Миллиор. 1924–1939 / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Т. В. Мисникевич ; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме. — Электрон. дан. (1 файл). — Рим; СПб, 2019. — Режим доступа: www.v-ivanov.it. — Загл. с экрана.

УДК 82.0
ББК 83.3

© Мисникевич Т. В., вступ. ст.,
подгот. текста, коммент., 2019
© Исследовательский центр
Вячеслава Иванова в Риме, 2019

ПЕРЕПИСКА Л. В. ИВАНОВОЙ С Е. А. МИЛЛИОР

Личность Елены Александровны Миллиор (9 октября 1900, Екатеринодар — 12 января 1978, Ленинград) представляет собой интересное и значительное явление в русской культуре XX века. Историк античности, ученица Вячеслава Иванова, она сумела сквозь тяжелейшие для истории России годы пронести те ценности, которые впитала в годы научного и творческого становления от своего учителя и людей, входивших в его окружение.

Е. А. Миллиор поступила на историко-филологический факультет Бакинского государственного университета в 1919 году, где познакомилась с Вяч. Ивановым, приглашенным в 1920 году на кафедру классической филологии. Е. А. Миллиор. В 1934 году она поступила в аспирантуру по кафедре древней истории в Ленинградском госуниверситете, в 1937 году под руководством С. А. Жебелёва и С. Я. Лурье защитила кандидатскую диссертацию на тему «Исократ и второй афинский морской союз». В 1937–1939 и в 1943–1960 гг. (после эвакуации из Ленинграда) Е. А. Миллиор преподавала в Удмуртском государственном педагогическом институте историю, древние и новые языки. С 1960-х гг. она жила в Ленинграде, занималась проблематикой романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», писала роман из античной жизни «Дион».

Ценнейшие материалы архива Е. А. Миллиор стали достоянием исследователей в первую очередь благодаря подвижническим усилиям ее ученицы, доцента кафедры истории русской литературы и теории литературы Удмуртского государственного университета Доры Израилевны Черашней, осуществившей их систематизацию и публикацию ряда ценнейших документов¹. 9 июня 1997 года на основании решения экспертной комиссии Рукописного отдела Института русской

¹ См.: Вестник Удмуртского университета, посвящ. Е. А. Миллиор / Сост. Д. И. Черашняя. Ижевск, 1995; Вестник Удмуртского университета. Филология / Сост. Д. И. Черашняя. — Ижевск, 2000. С. 3–103; «Какая светлая стезя...»: Жизнь и творчество Нелли Миллиор / Сост. Д. И. Черашняя. Ижевск: Алкид, 2017.

литературы (Пушкинский Дом) РАН данные материалы, переданные в дар Д. И. Черашней, были приняты на постоянное хранение¹. Поступление включало 67 предварительно сформированных единиц хранения: письма Вяч. Иванова, Л. В. Ивановой, Я. М. Боровского, М. Я. Выгодского, А. И. Доватура, И. Ф. и М. Ф. Куниных, К. М. Колобовой, М. Л. Тронской, С. В. Троцкого и др. к Е. А. Миллиор, автографы произведений Вяч. Иванова, биографические материалы, фотографии². В дальнейшем все эти материалы прошли научно-техническую обработку и вошли в состав фонда Вяч. Иванова (фонд 607).

В состав настоящей публикации включен полный корпус писем (22) дочери Вяч. Иванова, Лидии Вячеславовны Ивановой (1896–1985) к Е. А. Миллиор за 1924–1939 годы; она дополняет публикации, принятые Д. И. Черашней³, поскольку учитывает тексты открытых писем и приписки автора на полях и между строк. Письма печатаются по автографам (РО ИРЛИ, ф. 607, ед. хр. 436), орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами, с сохранением ряда авторских особенностей.

Данное электронное издание доступно на сайте www.v-ivanov.it

Т. В. Мисникевич

¹ См.: Дело фонда Вяч. Иванова (ф. 607) // РО ИРЛИ. Л. 23.

² См. там же. Л. 19–21.

³ См.: Письма Л. В. Ивановой к Е. А. Миллиор / Публ. Д. И. Черашней // Вестник Удмуртского университета, посвящ. Е. А. Миллиор. С. 38–48; Письма Лидии Вячеславовны Ивановой Елене Александровне Миллиор из Рима (1924–1972) / Подготовка текста О. Н. Негановой и Д. И. Черашней // Вестник Удмуртского университета. Филология. С. 10–51.

1

13-го янв<аря>

Дорогая Ленка, шлю тебе эту плохенькую репродукцию с хорошей картины в поучение. Почему ты замолкла? Обиделась на желчное письмо мое последнее? Но это было бы неразумно. Ты же знаешь, что я кошка, т. е. имею шипящую сторону души. Принимай целиком, если ты друг. Лидия.

На открытке с репродукцией картины Тициана «Любовь небесная и Любовь земная» («Amor sacro e Amor profane»), ок. 1514 (Рим, Галерея Боргезе); адресовано: U.R.S.S. Васи. Азербайджан. Баку. Николаевская. Аптекарский пер. д. 5. Елене Александровне Миллиор; дата по штемпелю: 14. 1. 1924.

2

30 окт<ября> [19]24 г.
Italia. Roma (quartiere № 5)
172 Via Quattro Fontane
3 piano (presso Placidi)

Alla signorina Lydia Ivanov (непосредственно), а
если письмо папе, то пишется
al signor professore Venceslao Ivanov

Все сие мне приказано было, дорогая моя Нелличка Милиор, тебе предписать, т. к. профессор наш был возмущен ошибками на конверте и восклицал — «И это моя ученица!» и вообще приказали писать без ошибок конверты. Ну вот, это часть по приказу свыше, а теперь моя. Я получила оба твои письма, и ты никогда и никогда не сможешь себе представить, сколь они желанны, сколько волнений и радостей доставляют. Ты хорошая, верная и милая Нелли Милиор, и вообще у меня

прилив самых нежных чувств к тебе. И пишешь хорошо так, что все себе можно представить, что у вас делается в городе Баку. Славный и милый город, даже в Риме его вспоминаешь с удовольствием и благодарностью. Но Сержик в нем возмутительное явление! Какой ужасный лентяй. Как он долго закручивает свои буквочки, чтобы написать 15 строчек. Больше мы от него не получали. И ничего-то толком не пишет, что у него за уроки такие, сколько он за них получает, что за оперу такую он натворил — вообще негодяй! Эта часть моего письма составляет некую параллель к местам, посвященным в твоих письмах Лиде Гуляевой, хотя несколько менее огниста. А Лида очень хорошая, и сердиться на нее нечего, это она все правильно делает, не то что Серж. Боже мой, какой противный! Какой отвратительный мошенник и в высшей степени кот этот Серж! Ему показывать этого никак невозможно, а то скажет, что не аристократически пишу! В общем здесь составляется 4х-голосный контрапункт: ты, я, Серж и Лида Гуляева.

Как видишь из всего сказанного, моя душа еще не совсем вселилась в Рим, а отчасти еще бродит по бакинской площади Свободы, так что про англичанина все враги. Никакого англичанина нет, да и вряд ли будет, а что касается до снов, то специалист Альтман, и он наверно тебе скажет, что твой сон изображает твое личное, чисто эротическое настроение. А мы, видите ли, тут заняты всякими глубокомысленными занятиями. Пишем свой квартет (еще занятия не начались в академии — с 5-го ноября), изучаем итальянскую грамматику (очень лениво), читаем итал<ьянские> романы, изредка посещаем памятники древности, изредка ходим в католические церкви на вечерню, в особенности в свой любимый монастырь с монахинями, одетыми в голубое с белыми фатами, как невесты, и никогда в церкви не откидывающими своих покрывал с лица перед народом, так что никто никогда их не видит. Их служба очень красива и производит сильное впечатление театра, перенесенного в жизнь. «Сонную» же часть своей души придавливаю, а она изредка больно занает, но ею нужно завладеть. Пока же получается атмосфера некоей пустоты и отреченности (выражаясь Сержиными абракадабрами), кот<орую> внешние впечатления не могут растормошить до дна. А потому прости мне, что не пишу я письма как полагается, а именно — «Я чувствую себя совсем перерожденною» или «Рим, эта сокровищница такая и сякая» и т. д. Дни восторженности и юности прошли, и рано пепел покрыл еще не разгоревшихся угли

души моей. Вот тебе восточного стиля лирика уже не англичанина, а англичанки с бедкером. А факты описаны все в Сержиных письмах и письме к Попову. Ну, прощай, Нелличка, крепко-крепко целую тебя и Марию Борисовну.

Твоя Лидия.

Письмо адресовано: Russia. Baku. С.С.С.Р. Баку. Меркурьевская ул. зд<ание> Аз<ербайджанского> гос<ударственного> университета. Елене Александровне Милиор, дата штемпеля на конверте: 31. 10. 1924; в начале письма приписка слева: «Не помню, сколько д в твоей фамилии? Как твой адрес?».

3

4 марта [19]25 г.
Рим.

Дорогая моя Нелли Миллиор, получила твое последнее возмущенное письмо, что послужило мне наконец последним толчком сесть и начать писать. О если б ты знала, до какой степени я ленива на все, за исключением (теперь, по крайней мере) музыки. Я, кажется, в этом смысле могу сойти за феномен. Дело в том, что кроме музыки у меня сейчас решительно ничего нет, и я с каждым днем все глупею и глупею, ни о чем не размышляю, ничего не читаю, и вообще я не знаю, что тебе за охота писать письма такой особе. Это настоящее бревно, моя дорогая, и если ты этого не замечаешь, то это можно объяснить лишь недоразумением, отчасти появившимся в виду тех тысяч верст, которые нас отделяют. Нужно, правда, сказать, что отчасти это пагубное влияние страны, в которой я сейчас существую быть. Быть умным здесь считается излишним капризом и даже довольно вредным, ибо злоупотребление этим занятием может довести человека до забвения своего долга, жизни и здоровья, и можно нередко наблюдать, как умный человек кончает свое поприще в сумасшедшем доме. Зато здешние люди имеют все какую-то жизнь вне умных и учебных занятий; влюблены ли они так все или так просто любят бродить или толкаться, не очень это мне

ясно. Одно только ясно, что, если, впрочем, они не притворяются, у них центр тяжести совсем не в науках, философиях или искусствах, а где-то в иных долинах — и где, для меня полная тайна. Ясно только, что я как-то по-другому скроена, что я им совсем и чужая и непонятная (впрочем, и понимать-то, кажется, нечего — и я сама ничего не понимаю). Одним словом, оставляя весь очень глупый туман, который я изобразила, в стороне, я себя чувствую очень и очень одинокой и до невозможности жизненно бездарной. Так что никаких вопросов о забывании Баку и друзей нельзя и поставить. Это одиночество сильно сказывается по праздникам, которые для меня представляют время очень неприятное, или во время какого-нибудь прогуливания по паркам. А виной этому, конечно, только я сама, потому что по дикости и пугливости у меня есть, кажется, только один товарищ — это Юсбашев. Как он живет? И вообще ты большая душа, Нелли Миллиор, что пишешь все и все про себя и про Баку, в особенности принимая во внимание, кому ты пишешь. Я бы ей не стала писать. Впрочем, может, ты пишешь только внешне ей, а психологическим толчком к этим письмам служит мысль о профессоре Пуфи? Эта мысль вносит некоторую желчь в мои отношения к тебе!!! Передо мной сейчас закат солнца виднеется за морем крыш перед моим окном. Бесчисленные автомобили гудят на разные голоса. Дима в школе. Папа спит. Хозяйка и ее сын ушли гулять. Внизу строят церковь для английских католиков-семинаристов, которые живут непосредственно рядом с нами. По вечерам раздается их хоровое пение. Теперь, впрочем, пост, и они пришипилась. Я объявила, что буду на первой неделе поститься: хотела спиритуализироваться немного (к нам сюда приезжал индус и читал популярные мистические, но очень интересные лекции). Но не тут-то было. Хозяйка страшно умилилась моему благочестию и делает нам такие итальянские постные блюда, что мы окончательно впали в чревоугодие. Это, должно быть, отражается в моем письме? Внешне все у нас по-прежнему. Моя душа сейчас в моих ногах ежедневно, упражняющихся на органе. Хочу сделаться органисткой-специалисткой. Этот огромный зверь отвечает моей душе больше всего. У нас начался дирижерский класс, и, кажется, придется дирижировать и мне, если я не скончаюсь от страха перед этим. Мой маэстро сейчас на месяц уехал в Берлин ставить свою оперу, а мы пока занимаемся с другим типа Карагичева. Много времени отнимают дивные симфонические концерты с их репетициями, чему ты, должно быть, очень завидуешь. Окорокovy уже 2½ месяца, как пере-

ехали в Париж, где он устроился прекрасно, играет в симфонических, выступает солистом и имеет уроки. А я вот их не имею. Хочу играть в кино, и не берут. Безработица. Очень были мы огорчены известием о смерти Гершензона. Профессор сейчас пишет статью о Пушкине, для пушкинского календаря. Ну, прощай, Нелли Миллиор. Прости, что я сегодня такая глупая. Может быть, в другой раз поумнею. Кланяйся Марье Борисовне и Гуляевым с Пупсом.

Твоя Лидия Иванова

На конверте: U.R.S.S. Baku. E. Millior. Азербайджан. Баку. Аптекарский пер. д. 5. Елене Александровне Миллиор, обратный адрес: Dalla sig-ina Lydia Ivanov. 172 Via delle Quattro Fontane. Roma; дата штемпеля: 10. 3. 1925. В начале письма приписано сверху: «Здесь все помешаны на собирании марок. Поэтому ты, когда будешь писать, то наклеивай на конверт всяких стоимостей и сортов. Советские страшно ценятся. Эта просьба с поклоном от Димы» справа: «Ясно, что всех наших родных: Зуммеров, Сержа и Настю нужно перецеловать крепко. Но им письма отдельно».

4

8 авг<уста> 25 г.
Рим

Дорогая моя Нелличка Миллиор, таких обращений уже было написано 3, и ни одно не доехало до конца, и письма остались не отосланными. Получила твое письмо третьего дня, и ты самая большая душка и самая хорошая Нелли Миллиор. Сейчас сижу с Димой в кафе. Мы решили поехать на море купаться, еще этого не делали за лето. Трамвай специальный (или электрич<еский> поезд, не знаю, как его назвать) довозит до Остии в 30 минут от ворот Сан Паоло. Но мы к 10-часовому запоздали, и приходится ждать до полдня. Лето у меня вышло утомительное. После всех экзаменов, кончившихся в июле, я собиралась ехать на месяц на море в комнату, которую нам предлагали. Но тут явилось предложение работы для балета, о кот<орой> я писала Сержику, месяц ушел на нее. Я оркестровала

за ничтожную плату им 10 симфонических этюдов Шумана и один номер из картинок с выставки Мусоргского. Взяла работу эту так дешево для практики, из надежды на дальнейшие заказы и из желания услышать исполнение своей оркестровки, случаи всегда редкие и которыми нужно дорожить, т. к. оркестровке можно научиться только практически. Этот балет находится не в Риме, а в Триесте, и театр открывается 1-го сентября — предприятие новое и характера случайного, не знаю, сколько времени продержится. Из Триеста они предложили ехать в турне по Италии и, может быть, и в Германию, если не лопнут до этого. Я имею непомерную дерзость, а может быть и глупость (покажет будущее), хлопотать попасть туда дирижером. Мой стаж — один раз дирижировала и прескверно на 1-й репетиции своим «Pescatore» в св. Цецилии. О сей репетиции читай в предыдущих посланиях к Сержику. В связи с этим я задумываюсь над философской проблемой — следует ли или нет в жизни быть нахалом? Пока же предоставляю себя на волю судьбы и, если пригласят, то поеду, надеясь 1) насобачиться в оркестре, 2) заработать денегу — оплата хорошая, 3) избавиться от застенчивости, побыв в сети театральных интриг и «турнеев». Вопрос должен решиться на неделе, вчера еще послала умиленное письмо в Триест. Покамест еду купаться в море. Как давно я об этом мечтаю! Последние дни нашей жизни можно наименовать «коловращением». Сие коловращение произвели Мейерхольды (он с женой), приехавшие на неделю в Рим. Они у нас ежедневно обедали, им нужно было показывать Рим, денег у них пропасть, возили они нас на бесчисленных автомобилях, по бесчисленным ресторанам, но все это было довольно бестолково, а главное, до упаду утомительно, и я рада, что они вчера вечером уехали в Неаполь. Они здесь будут еще на обратном пути в понедельник 10-го, а затем едут в Россию, где уже 21-го должны начать театральную работу. Положительные результаты этой сутолоки, что они дали для своего издательства интересные заказы папе, между прочим перевод всех стихов, написанных Микеальанджелом, которого они страшно любят. Эта работа интересна и, кажется, даст нам некоторую финансовую поддержку. Затем заказы более проектного характера, касающиеся немного и меня, а потом он пошлет Шаляпину с рекомендацией мою «Похоронную песню», и если она Шаляпину по душе придется, то он ее споет и напечатает. Занятия на будущий год немного облечены туманностью. Мой Респиги флиртует с американцами, и кажется, что он его

увозят с декабря до марта в Америку. Он вообще страшно легкомыслен и большой с нами лентяй. Директорство он оставляет и остается только профессором, а директором будет, должно быть, здешний Карагичев (хотя лучше все же Карагичева) некий Сетачьолли. Командировку папе продлили из Москвы еще на один год, так что в этом году нас ждать не следует. Я была очень огорчена болезнью Марьи Борисовны. Какой Баку все же ядовитый город — вечно в нем колиты, тифы и компания. Поцелуй ее крепко, крепко от меня и пожелай от меня быстрой поправки. Научные части твоего письма производят на меня ошеломительно уважительные впечатления, а папа очень тебя одобряет и писать, хотя и собирается, но на подъем очень тяжел. Поцелуй Гуляевым и всем друзьям, а главное тебе самой, потому что ты самая хорошая Нелли Миллиор, которая когда-либо была или могла бы быть.

Твоя Лидия.

Письмо написано карандашом; адресовано: U.R.S.S. (Russia). Васу. Азербайджан. Баку. Меркурьевская ул. 43. Изд<ательство> Аз<ербайджанского> гос<ударственного> университета. Елене Александровне Миллиор. Дата штемпеля: 8. VIII. 1925.

5

28 окт<ября> 25 г.

Дорогая Неллик,

на этот раз стараюсь не слишком задерживаться с ответом: Письмо твое получила третьего дня. Очень рада, что открытка из Неттуно дошла до тебя. Если так, то, вероятно, и Сержик получил свою, а вообще можно картолины посылать? Отбери у Сержа «девушку из Анцио», если он не любит ее. Поздравляю тебя с днем рождения твоего. Хотя и жалко, что мы все такие престарелые стали, однако я все же очень рада самому факту твоего рождения на свет. Письмо было очень веселое, и очень было радостно его получить, т.к. повторяю, что здесь друзей не только нет, но и не предвидится, вся надежда на верность старых. И вообще во многих отношениях лучше каждому овощу в своем огороде сидеть,

однако раз уж сижу в чужом, то придется извлекать все, что можно, из этого положения, чтобы не даром пребывать. Так диктует глас благоразумия. Нужно посмотреть, что такое Европа теперь. В Риме видно только, что она была. Иначе говоря, мой Респиги едет с декабря до конца апреля в Америку, а я мечтаю за его отсутствие с его благословения, мне сегодня данного, съездить на 2 месяца в Париж, чтобы видеть и слышать. Ты завидуешь такому проекту? Но это еще только проект. Вообще нужно работать и доработаться, если сумею, до западной техники и тогда возвращаться в Россию. А сейчас еще рано. Я еще ничего не видала, кроме Рима, а Рим — современный такая провинция!¹ Эти мысли меня сильно занимают все эти дни в связи с известием об отъезде Респиги в Америку почти на весь учебный год. Затем еще в голове у меня масса фасонов пальто, платьев, туфель и проч., т. к. нужно решать одежные зимние дела. Наконец, последняя параллель моего сознания занята сочинением «Огненосцев» (из *Cor ardens'a*)², вещи для хора, баса, сопрано и оркестра, по форме напоминающую ораторию. Общая линия вещи уже имеется в голове, нужно начать писать теперь. Неприятность в том, что она слишком отрывочна для своей общей массы, идет в 10 минут вся, и я теперь обдумываю, какова могла бы быть к ней оркестровая прелюдия. Вообще это все очень трудно и в момент образования крайне даже тягостно и неприятно. Хотя и трудно, но весело очень, это момент оркестровки уже задуманной музыки, но писать саму музыку!.. Тут уж я совсем дикой делаюсь: характер дурной, в комнате беспорядок, по улице, как волк, огрызаюсь хожу и все думаю, что все смотрят и дивятся, из какого погреба выскочила эта провинциальная серая озадаченность смехоподобная, людей плохо слушаю в домах и сижу комком — сама на себя, как еж, тихо шипя. При оркестровке уже лучше. А более или менее, если прилична, — значит, ничего девица не делает, разве на роле этюды Шопена бряцает³.

Что же до твоей работы, то буду сейчас ходатайствовать о письменном ответе на все запросы. Посмотрим, что из этого получится. Тем

¹ Далее над текстом и на полях вписано карандашом: все это устарелые глупости я написала, но посылаю, как памятник старины.

² Сноска под *: сделан итальянский стихотворный перевод этой вещи.

³ На полях приписано карандашом: Все убрала. В комнате чисто, я не дика и ничего не делаю.

временем пока писала это письмо, ответ тебе уже писался Сержиком. Поэтому за письменным подтверждением всех здесь высказанных устно симпатий и похвал к Сержу обращаться. Сейчас был один наш знакомый и наговорил мне таких страшных подробностей об артистической жизни в Париже и перспектив как-нибудь там стать на ноги, что совсем запугал мою и без того уже заячью душу. Портрет совы непохож. Художник принадлежит к тем перетонченным модернистам, которые к примитиву стремятся, но он неудачен и наводит на желание конкурировать. К сожалению, я не очень хорошо представляю, из чего и как сделана сова. Гуляевы, конечно, окончательно сердятся на меня? Это, безусловно, возмутительно. Но если они не очень будут протестовать, то поцелуй их от меня, скажи: собирается, дескать. Но трудно застарелому преступнику обратиться на путь истин. Что же до Пупса, то ему месяца 3 было заготовлено¹ длинное и очень длинное послание. Но лежит в ящике у папы, кот<орый> безнадежно ищет и не может найти послание Феди, в кот<ором> тот пишет о своих делах. Может быть, он еще раз написал бы, чтобы сдвинуть сей камень с дороги наших сношений и пустить послание и другие имеющие быть в путь? Очень огорчительно мне было читать о все продолжающемся нездоровии Марьи Борисовны. Работает ли она в консерватории в этом году и что там делается? Крепко, крепко целую ее и желаю ей от всего сердца скорей окрепнуть. Шлю послание Вите тебе, не зная его адреса. Шлем наикрепчайшие тебе объятия.

Твоя Лидия Ив<анова>

В начале письма над текстом и на полях вписано: *15 ноября*. И пролежало письмо из-за Вити 2½ недели и устарело. «Огненосцы» не сдвинулись. Париж совсем затуманился, и вообще все перевернулось. Но шлю так, а то волны обиды докатываются уже из Баку до рояля моего. О! если б ты знала, сколько писем следует мне писать, то поняла бы, почему я их почти совсем не пишу. В Баку, Париж, Флоренцию, Фрейбург, Ленинград, Белград, Тифлис, Харьков, Москву и пр. и пр. Дикий ужас. Нужно завести секретаря, ведь не кончать же из-за переписки самоубийством. Письмо адресовано: U.R.S.S. Vasci. Азербайджан. Баку. Аптекарский пер. д. 5. Елене Александровне Миллиор; обратный адрес: Sped. la sig-na Lidia Ivanov. 172 Via delle Quattro Fontane. Roma (5). Почтовый штемпель: 14. XI. 1925.

¹ Сверху вписано карандашом: *уж теперь 4.*

6

2-го марта 26 г.

Рим.

Дорогая моя Нелличка,

очень хочется тебе написать, но уже поздно. Поэтому забираюсь к себе в постель и пишу из оной (дай Бог не сделать кляксы на простыне). Ты душка большая вообще, а в частности, потому что пишешь, несмотря на мои долгие молчания. Душа моя опять в панике. Во 1-х не выучен урок по чтению партитур на завтра к свирепому маэстро¹. Главное — это то, что сегодня 2-е марта, а моя работа еще сделана только в отношении 2/3 в клавире. Нужно писать еще 1/3 и затем все оркестровать еще. Последнее возьмет по крайней мере месяц, а то и полтора, а первое всего хуже — жди «вдохновений» и тому подобной дамскости, просто беда. Если б ты знала, какая неприятность композировать! Работа эта должна быть исполнена на концертах консерватории весной и ответственна, т. к. выпускная. Это симфоническая поэма, программой к которой взято одно стихотворение Шелли «Облако» «The Cloud», если не знаешь, то посмотри в мою честь. Поэма для большого оркестра. Витя прислал свою программу как раз вовремя, когда я выбирала сюжет и открыла заседания приемочной кампании. Были представлены только 3 темы: Витина, «Ночь» по статуе Микеланджело и «Cloud», в просторечии «Клавдий». Прошел последний, предьявленный папой. И вот сижу над своим Клавдием и сохну. Главное в нем слова «I change, but I cannot die». Это будет штука из 6 частей, нечто среднее между сюитой и вариациями, но долженствующее дать одно целое настроение в смысле музык<альной> архитектуры (все минут на 20). Части вливаются одна в другую почти или совсем без перерыва и все представляют собой метаморфозу одной и той же музыкальной темы «Клавдия». 1-ая) — веселый ливень Клавдия и танец вокруг солнца, 2) буря и объятия Клавдия с молнией, 3) челнок Клавдия с восходящим и заходящим солнцем, 4) ночь, поэтический Клавдий, звезды и ангелы,

¹ Фраза вписана сверху.

5) колесница Клавдия под триумфальной аркой радуги, 6) заключение, кажущаяся смерть Клавдия при ясности неба и неожиданное его воскресение. (Прочти стихи, а то не поймешь, о чем я пишу). Тема прекрасная, а какова будет музыка, Господь ее ведает. Кончу над колесницей, которая что-то не дается и очень волнует сроками. Запоздала из-за «Огненосцев», с кот<орыми> прежде мечтала кончать, но оказалось, что хор ученический так мал и плох, что об исполнении «Огненосцев» нельзя было и думать и пришлось их оставить пока. Клавиры их почти окончен, недостает только коды и затем оркестровки. Вот и весь итог учебного этого года пока. Мало? Безусловно. Отчасти потому, что устаю слишком быстро, не совсем хорошо чувствую себя. Испортился у кота живот и представляет вечную constipation. На органе все еще играю для Сержа, а он не едет. Буду играть на органном акте токкату и фугу ре-минор Баха, дивную и на рояле, а на органе совсем чудную. На органе я на 2-м курсе сейчас, и учитель говорит, что если я останусь в Риме и буду продолжать орган, то на будущий год могу взять диплом, сделав 3 и 4-й курс вместе в один год. Это меня соблазняет, не знаю, придется ли осуществить. Концерты здесь, как всегда, очень хороши. Сейчас дает 3 концерта Масканьи, выступая сам как дирижер. Впрочем, как дирижер, говорят, что он плох. Был недавно Годовский и играл божественно Шопена. Чудный органист Мариль Дюпрэ, импровизировавший сверхъестественно на данную из публики тему. Ожидается Прокофьев, Исаи. Будут исполнять L-moll'ную мессу и Страсти по Матфею Баха и много еще замечательного. Исполняют также много произведений молодых. Почти все под прямым или косвенным влиянием русской школы — модернисты все под Стравинского — последний крик моды. Гречанинов здесь провалился. Во всем новом американизм, джаз-банд и негритянство. В Италии сильно консервативное течение, за италианское старое belcanto и мелодизм. Молодые италийцы представляют эклектическую смесь из вышеупомянутого. Интересуются сейчас музыкой испанской, у кот<орой> есть что-то интересное, но гегемония в музыке, как и в театре, (пожалуй, и в романе), бесспорно, русская. Живем по-прежнему и людей видим мало. У Буси (папы) инфлюэнция сейчас. Про тебя говорит, что ты страшно умную работу пишешь¹. Дима переведен был с рождества en quatrième

¹ Фраза вписана сверху.

и кончает уже синтаксис латинский. Пишет Сержу по-латыни письмо. Придется ему, бедному, т. е. Сержу, потрудиться со словарем. В Рим приехала одна моя большая подруга детства, и я помолодела от этого. Все, о чем ты пишешь, Увы! мне слишком понятно. Но что же поделаешь? Мне кажется по отношению к себе, что лучше всего всю эту природу душить. Я думаю, что своей волей я не смогу ее удовлетворить, а скорей, наоборот, будет очень плохо, если выдумать любовь, которой нет. Если бы она была, то не ждала бы моих философствований, а все перевернула бы по-своему. Но редко и исключительно мало к кому она приходит настоящая — остальное же все романтически нервозные бредни на физиологии, мучительной физиологии и еще более мучительных бредней. Нужно их душить, для меня по крайней мере, только тогда я спокойна и ясна; когда же нет, тогда беда. «Ведь это музыке вредит, — ей с дуба ворон говорит...», выводы сама дальнейшее. Кланяйся Марии Борисовне, Сержу и Вите, Насте, Наташе, Гуляевым и всем, а больше всего себе, милой, хорошей Неллечке Миллиор.

Твоя Лидия

Письмо адресовано: U.R.S.S. Васу. Азербайджан. Баку. Б. Николаевская ул. Аптекарский пер. д. 5. Елене Александровне Миллиор. Дата штемпеля: 3. III. 1926.

7

19/IV 26 г.

Милая, дорогая душка Нелли, страшно занята. Не обижайся, что временно молчу. Ревнивец «Клавдий» меня поглотил и не пускает от себя. Пока шлю открытку. Сейчас Villa Borghese не такая, уже весна и все в листьях, но этому фонтану подходят элегические тона. Вчера на тебя гадала и вышло, что ты «saillante». Как работа? С моей масса переживаний. Моя музыка, как я недавно открыла, сделалась страшно италийской, мелодичная насквозь, красивая и чувственная. Очень это плохо? Может быть, и временно. Живем по-прежнему, но несколько

инфлюэнциозно. Заботит завтрашний день. До свидания. Крепко целую верную. Поклон Марии Борисовне.

Лидия.

Открытка с фотографией: Roma. Villa Borghese. Fontana d'Esculapio; адресована: U.R.S.S. Васу. Азербайджан. Баку. Б. Николаевская. Аптекарский пер. д. 5. Елене Александровне Миллиор. Штамп отправления: 20. 4. 1926.

8

2 окт<ября> <1926>

Привет дорогой Нелличке Миллиор перед отъездом на зимний сезон в Рим из этих благодатных мест. Соскучилась без писем от тебя. Получила ли мое олеванское? Завтра едем. Какова-то будет зима? Крепко целую тебя.

Твоя Лидия.

Открытка с видом Olevano Romano, Piazza Umberto I. Адресована: U.R.S.S. Васу. Азербайджан. Баку. Аптекарский пер. д. 5. Елене Александровне Миллиор. Штамп отправления: 2. 10. 26, штамп получения: 13. 10. 26.

9

18 дек. 26 г.

Дорогая Нелли,
если я так долго не писала, то это не из-за каких-либо слишком глубоких причин, а потому что была занята и физически и морально. Была пора не эпоса, но лирики также и у меня, но лирика была характера такого смутного, что трудно было бы о ней писать. Эпическая сторона жизни следующая: папа живет в Павии и преподает студентам в collegio немецкий, франц<узский> и англ<ийский> языки и литературу, а после

рождества в университете (основанном Карлом Великим) намечался цикл его лекций по русско^й литературе. Все это экстраординарные лекции с грошовой оплатой, т.к. оплаты здесь и вообще низкие, а кроме того, он не может иметь кафедры в качестве иностранца. В Италии это запрещено. Но все же — это нам большое финансовое облегчение, т.к. он там живет на полном содержании и очень хорошо и счастлив иметь живое дело, без которого он совсем увядал. Мы с Димой в славных 2-х комнатах в самом центре Рима близко от консерватории, куда хожу играть на органе ежедневно и от Аугустео, куда иногда хожу слушать репетиции дивных римских симфонических концертов. Дима приходит домой к ужину в 7½ ч. вечера, т.к. полупансионер и готовит уроки в школе. Я обедаю в одном пансионе, где сижу среди литовских студентов. Вечером жарим себе что-нибудь с Димой на спиртовке или на медленном огне керосиновой печки, составляющей наше отопление, кроме солнца, кот^{орое} обыкновенно с дивным блеском сияет на чудном синем небе и очень нагревает, делая опасные и необыкновенно резкие переходы темп^{ературы} от света к тени и ночи ко дню. (Пишу это все с громадным ужасом, что ты опять в негодовании воскликнешь — «презренный эпос». Но лучше не восклицай. Нет на свете ничего милее и сладко лиричнее солнышка и печки. Жалко, в меблированных комнатах нельзя содержать под печкой еще и котеночка. В роли последнего мой «зверь», рояль с хвостом). Я работаю. Моя работа больше половины меня самой, и если я пишу тебе о музыке, то пишу о своей большей части. Остальное же не интересно и не стоит о нем писать. Дело обстоит с остро ясной простотой. Мой музыкальный талант связан у меня (как мне ясно представляется, судя по его характеру) с девством, и в последнем его жизнь несколько дикая и мрачная в своих проявлениях. Каждое мое отклонение в женскую сторону, противоположную девственной (т.е. не дикая, хаотическая женскость, а покорная и влюбленная), ослабляет во мне творческую силу. Это происходит всегда и с совершенной ясностью. Будучи женщиной я тосковала бы по музыке, а в музыке буду тосковать по неполноте женской жизни. Это уже не лирика, а трагедия. Но нужно выбирать и стараться обострять волю. Я выбираю музыку, кот^{орая} мне удастся только если я смогу быть монахиней искусства. Зачем тебе это все нужно выспрашивать? Может быть, я глупо сделала, что написала. Об этом не пишут. Ты обижаешься, что я не пишу ничего об «Глазках». Я ее не знаю, но рада, что она тебе доставляет счастье, и рада, что ты про нее мне всегда пишешь, т.к. это мне позволяет тебя ощущать. А что ты хочешь, чтобы

я писала в ответ? Тебе же нужно ответа. Лирика его не требует. Молодой химик и офицер, итальянец, о кот<ором> я тебе писала летом меня очень полюбил, и гораздо серьезней это все сделалось, чем я предполагала вначале. Дня четыре тому назад я ему предложила больше совсем не видеться и порвать все сношения, т. к. не хочу им играть и не люблю его. Ему это было трагично, и мне трудно и тяжело. Я мелких вещей совсем в Италии не писала и потому не могу ничего списать для тебя. Если будут, пришло. Летом писала поэму «Одиссей», о кот<орой> в другой раз подробней. Она начата только. Но зато закончила музыку «Огненосцев» (из *Cor Ardens*'a), кот<орую> начала в прошлом году. Сейчас по совету Респиги в виду неопределенности возможности исполнить эту вещь (для б<ольшого> хора, б<ольшого> орк<естра> и 2-х солистов, бас и сопр<ано>) и колоссальности работы по оркестровке ее (вещь очень длинная и трудная), пока буду делать только клавир с партитурой голосов начисто, чтобы можно было представить ее на осмотре комиссией. Сегодня начну эту тоже длинную работу. А далее, что Бог даст. Мне очень грустно за Володю. Если увидишь, кланяйся. Пиши. Привет Марье Борисовне и всем нашим родственникам, Сержу, Насте, Зуммерам и друзьям.

Лидия

Письмо адресовано: U.R.S.S. Васси. Азербайджан. Баку. Николаевская ул. Аптекарский пер. д. 5. Елене Александровне Миллиор; обратный адрес: Spes. Sig-na Lydia Ivanov. 50, Bocca di Leone / Roma (8). Дата штемпеля: 18. 12. 1926.

10

В ожидании письма, дорогая Нелли, получила от тебя одно только письмо, а тех не получила. Дела как-то окрутили меня со всех сторон, но скоро напишу.

Крепко целую и люблю.

Л. И.

Открытка с фотографией барельефа: Roma. Trono di Venere (Museo Nazionale). Письмо адресовано: U.R.S.S. Васси. Азербайджан. Баку. Николаевская ул. Аптекарский пер. д. 5. Елене Александровне Миллиор. Отправлено по штемпелю: 24. 2. 1927, получено: 2. 3. 1927.

11

6/VI 27

Не имея возможности купить марки, не опустила вчера и опускаю уже, донесшись до Парижа. Кажется, здесь ужасно весело, но я еще ничего не разобрала и со всеми французами говорю по-итальянски, отчего они шокируются. Да, здесь народ говорит с прекрасным выговором. Очень образованный¹.

Л. И. 7/VI

Открытка с видом: Dijon. Tour de Bar. Адресована: U.R.S.S. Bacou. Азербайджан. Баку. Аптекарский, 5. Елене Александровне Миллиор. Дата штемпеля: 7. VI. 1927.

12

13/VI [19]27

Как видишь по открытке, дорогая Нелличка, я сижу в Париже. Уже неделю. Приехала в целях ознакомления с важными музыкантами. Здесь заканчивается как раз сезон. В субботу 11-го был последний концерт Кусевицкого. На этой неделе должна попытаться с ним увидеться. Получила твое письмо, пересланное из Рима. Постараюсь написать. Поцелуй всем. Я здесь пробуду, должно быть, до 3 июля. Так что писать, пожалуй, лучше в Рим, если же меня не будет, мне перешлют. Крепко, крепко целую, и не сердись за молчание. Мне сейчас по многочисленным причинам нелегко писать — у меня довольно бурный период в моей внутренней жизни сейчас.

Лидия.

Открытка с видом: Paris. Panorama des Tuileries et l'Arc de Triomphe du Carrouse и надписью рукой Лидии Ивановой: Сие есть идеал, к которому стремится площадь свободы в Баку. Дата штемпеля: 13. VI. 1927.

¹ Слева и сверху неразборчивые приписки.

13

2-XII-27

50, Bocca di Leone

p. IX Roma-8

Дорогая и верная Нелличка,
ты увидела из письма к Сержику, что мне не нужно себя винить в своем долгом молчании. Сегодня первый вечер, когда сижу дома, одна уже, в убранной после дезинфекции комнате. К Диме езжу каждый день. Санаторий за городом. Всего поездка с самим свиданием берет около 4-х, 4½ часов. Он теперь, конечно, значительно лучше: первый острый период с опасностью скоротечной прошел. Но все же страшно худ, с синяками под глазами. Температура установилась теперь между 37,4–37,9 по вечерам и упорно продолжает так держаться. Впрочем, он прибавил 2 kilo за эти 14 дней. Лечат вдуванием. 4 раза уже делали. Лечат очень хорошо и внимательно. Плата санатория сравнительно низкая — 35 лир в день (частные санат<ории> превышают 100 лир в день и абсолютно недоступны. Эта — Красного Креста). Кормят хорошо. Относятся великолепно, т. к. кроме того, что персонал очень симпатичный, Дима еще особенно рекомендован был проф<ессором> Синьорелли — доктором его лечившим и нашим другом. Санаторий на холме в римской Кампани. Воздух дивный. Дима в постели. Окна всегда настежь. Погода, впрочем, стоит мокрая и теплая с широко, ветром из Африки — вроде моряны. Думаю, скоро пройдет.

Папа уехал в Павию дней 14 тому назад. С большим опозданием из-за болезни Димы. Я провела здесь 4 органичных концерта, т. е. играла на органе на 4-х конференциях. Во время Диминой болезни, когда и заниматься почти нельзя было. Нас спасла помощь чудной Ольги Ал<ександровны> Шор, кот<орая> теперь в Риме и все время нам помогала. Занимаюсь органом ежедневно. Концерты эти заставили меня смотреть на орган более серьезно, как на свое ремесло. Если придется уехать из Италии, оно будет, быть может, уже не так непрактично, как я прежде думала. Но рассчитать, что будем мы делать, сейчас нельзя. Жизнь не в наших руках. Хотела ехать в Париж с 1-го января, где была

летом. Мне казалось, там гораздо больше возможностей и перспектив. Но сейчас, конечно, и думать о поездке не приходится. Во внутренней жизни получила много радости за это время, т. е. с весны. Я тебя очень, очень благодарю также и за то, что так хорошо про всех мне написала, кто что делает. Я сразу почувствовала себя вновь в связи со всеми вами. Не думай, что я в Италии не нуждаюсь в дружбе с Вами. И еще меньше думай, что хотя бы на один день забываю о вас всех, родных моих. Почему ты не уехала в Ленинград в этом году? Из-за мамы? И почему ты опять с колитом и худая. Это меня беспокоит. Поцелуй от меня Марью Борисовну. Ну и Сержа, конечно, и Настю и самого (если дастся) Всеволода Зуммера. Тоже и Пупса с чадом. Пишет ли она? Что она делает в техникуме — преподает? А учится чему и как? Служить опасно, да еще с чадом, для собственной работы. Что Володя? Если возможно, кланяйся ему, Гуляевым, Макам и *Мише*, хотя и ши-пишь на него. Крепко, крепко целую тебя, а также и Дима.

Твоя Лидия.

Письмо адресовано: U.R.S.S. Васи. Азербайджан. Баку. Меркурьевская, Аз<ербайджанский> Гос<ударственный> Университет. Елене Александровне Миллиор. Обратный адрес: Sped. Lidia Ivanov. 50. Bocca di Leone, Roma-8. Дата штемпеля: 3. XII. 1927.

14

12-II-28

Дорогая моя Нелличка,
Спасибо тебе бесконечное за твое письмо, писанное в ночь нового года. Оно меня очень взволновало, и я тебя ужасно как люблю и часто, часто думаю о тебе и волнуюсь о твоём здоровье и мечтаю о переезде твоём в Ленинград. Тебе он совершенно необходим, переезд. И физически, думаю, очень скверно тебе твоя постоянная жизнь в Баку. Я тебе непременно напишу по возвращении более обстоятельное письмо. А сейчас

два слова за 2 часа до отъезда. Вернусь через 6 дней. Меня пригласила тут недалеко подружка.

Диме гораздо лучше. Темп<ература> 37,3, 37,4 вечерами. Он ходит и немного пополнел. Все время до той же санатории под Римом. На лето придется его устраивать в горы тоже в санаторию. Пуфи в Павии. Собирается на Пасху. Живу с подружкой венгеркой и снова занимаюсь. Пишу вариации для б<ольшого> оркестра. Играю на органе. Вчера на концерте играла.

Не сердись, что больше нельзя писать. Еще не собраны вещи.

Целую тебя крепко, крепко и с тобой часто, часто в мыслях и сердце.

Твоя Лидия.

Дима кланяется.

Сержику, Насте, Зуммерам поклоны. И всем.

Письмо адресовано: U.R.S.S. Васа. Азербайджан. Баку. Меркурьевская. Аз<ербайджанский> Гос<ударственный> Университет. Елене Александровне Миллиор. Дата штемпеля: 13. II. 1928.

15

14-X-28

Дорогая Нелличка.

Сижу в гостинице, в постели по случаю зубной боли. Только что прочла твое письмо от 14-IX. Как видишь, оно еще не так уж долго путешествовало. Оно поехало в Риме с Восса Leone 50 на Восса Leone 3, где сейчас папа, а потом в Швейцарию в Давос перед самым моим отъездом. Папа провел летние вакации в Риме вместе с кузинами Шор, нашими большими друзьями (Ольга и Елена). Я половину лета с ними, а потом поехала к Диме в горы на сев<ер> Италии, откуда мы с ним поехали в Давос, т. е. в Швейцарию. С Димой провела в Давосе 2 месяца и теперь, оставив его в санатории, возвращаюсь. Ему в Давосе и хорошо, и можно надеяться, что он понемногу выздоровеет. Весом он, как я, ростом чуть выше, ему 16 лет. t° еще

все держится на несколько десятых. Больное легкое правое (в левом несколько точек). Процесс начался год назад и бурно сразу захватив большую часть пр<авого> легкого. Лечат пневмотораксом и санаториальной жизнью. Мы с ним большие друзья. Он пишет любопытные стихи. Гимназию окончить не успел пока. В Давосе ночью морозило и уже выпадал снег. 1700 метров высоты. В Италии еще тепло, хотя в Милане не слишком. В Милане находится мой самый большой друг, бывший ректор Collegio Vogomeo Павии, где преподает папа. Он священник, итальянец. Я его очень люблю и остановилась в Милане на день, чтобы с ним повидаться. А после? собственно глупо было тебе сейчас писать, т.к. сейчас еще ничего не знаю о своей судьбе. Все вопросительные знаки. Папа в Павии, Дима в Давосе. А я? Я была до сих пор в качестве вечной студентихи прикреплена к Академии S-ta Cecilia в Риме. Но этим летом, сдав выпускной экзамен и по органу, неожиданно перестала быть «учащейся», а так себе музыкант при трех дипломах и отсутствии абсолютном заработка. Лето провела тихо с Димой, а теперь еще не знаю куда: Рим, Милан (это 1 час езды от Павии), или еще отчаяннее, т.е. Париж. Мне нравится, конечно, Париж, кстати, это и моя родина, т.е. я в нем родилась. Но пока, кажется, не следует туда ехать. Кроме баловства с органом, орган на втором плане у меня, я в прошлый учебн<ый> год прошла 3х-месячные курсы «di perfezionamento» с Respighi — моим маэстро, т.е. по композиции для окончивших консерваторию. Курсы имели премию, бесплатные места, обещание взять лучшую вещь для исполнения в больших симфонических концертах «Аугустео». Бесплатное место я получила и, проучившись, написала «Тему и 9 Вариаций» для больш<ого> оркестра — тему на текст из Исайи «Rorate caeli desuper et nubes pluant justum, aperiatur terra et germinera salvatorem... Gloria». Respighi в июне написал директору письмо (перед отъездом в Южную Америку, куда его постоянно несет силой доллара), что премию считает нужным выдать мне. Но увы! Кажется, уже решено, что синьорина Ivanov иностранка, а синьорина Парпальоло дочь шиша из Мин<истерства> просвещения. И печенка из-под кошкиного носа выхвачена!.. Сами же «Вариации» сейчас должны быть мною спешно переписаны и отданы на рассмотрение в комиссию б<ольших> симфонических концертов. Однако произведений молодых авторов у них «montagna e tutti sono geni», т.е. грызня несосветимая. Респиги отрекомендует и уедет

опять в конце окт<ября> в Сев<ерную> Америку, и чем кончится, совсем неизвестно. За Давос написала лишь небольшой духовный хорик для сопрано, хора и органа. Играла на органе в Давосе каждое воскресенье и для себя тоже по будням. Орган там хороший, большой, и я была счастлива. Лучше нет занятия для меня.

Маленькая Нелли! Я так счастлива за тебя, что ты в Ленинграде! Даже на конверт было весело смотреть. Давно, давно пора было тебе. Не пугайся пропущенных двух годов. И никто не сердится на тебя. Просто трудно писать, когда горе есть. Жизнь не математич<еская> задача, не может идти по прямой. Бывают отходы и кажущийся застой. А после прильет энергия, и дальше скакнешь после отдыха. Не самоугрызайся, а *тихо* и спокойно работай. Только здоровье не хорошо, что у тебя плохое. И боюсь за климат. *Не надрывайся ради Бога и не будь непрактична в борьбе за практикой.* Практичность должна располагаться à *longue haleine*. Пиши мне на адрес *Roma, Via Bocca di Leone 3 (presso Santarelli)*. Этот же адрес папин. Он, должно быть, едет в Павию к 15-му ноябрю. Но даже и после оттуда всегда, если нас не будет, перешлют. А когда самоопределюсь, пришлю адрес. Где Зуммеры? Уже в Харькове? И куда денется Серг<ей> Вит<альевич> тогда? Очень его жалко, что он все бедствует. Когда будешь писать Марье Борисовне, кланяйся ей от меня. А также приветы Ксень, Мише и Вите с его «образованной женой». А Лида что? Если не трудно, то как-нибудь узнай через консерваторию адрес Надежды Христофоровны Боголюбовой. Училась по композиции несколько лет назад. Теперь не знаю. Это моя большая московская подруга. Но адреса нет ее. Слыхала, она вышла замуж. И интересно было, живы ли сестры Беляевские. Ольга Беляевская поэтесса и <нрзб.> учительница была. Что делает Альтман? Я ему писала, но очевидно не тот адрес. Крепко целую и люблю. Твоя Лидия.

И тон письма твоего уже свежее, хотя еще ты и мало отошла от Баку. Надо, надо поветриться на сквозняках и для «психики».

Письмо написано карандашом; адресовано: U.R.S.S. Leningrado. Ленинград. Проспект 25 октября 66, кв. 6. Елене Александровне Миллиор; обратный адрес: Spedioc: L. Ivanov, presso Santarelli, Via Bocca di Leone, Roma-8. Дата отправления по штемпелю: 17. 10. 1928. Дата получения по штемпелю: 25. 10. 1928.

16

23-III-29

Villa Erika. Davos-Dorf

Милая моя, любимая Нелличка,
как было радостно получить твое долготворимое от 15-I до 20-II письмо. Мне его переслал Пуффи сюда, где собираюсь пробыть до 7-го, 8-го апреля. Поэтому в Davos мне не пиши, а в Италию. Неделю проведу в Милане и затем хочу 3 месяца прожить в Риме, чтобы вторично проделать 3-хмесячные «Corsi di perfezionamento» с Респиги: апр<ель>, май, июнь. Комнату еще должна буду искать, а потому, пока не сообщу адреса, пиши на Пуффи: Pavia, Almo Collegio Borromeo. Сама я в этом году настоящий коммивояжер: ношусь взад и вперед между Римом, Миланом, Павией и Давосом безостановочно, приводя в немалое замешательство итальянскую полицию, боящуюся сих моих передвижений между моими высокочтимыми родственниками и музыкальными делами. Расскажу 2 слова об одних и других.

I. *Родственники.* Проф<ессор> Пуффи, на Пасху собирающийся в Рим, имеет по-прежнему резиденцией Павию, где по-прежнему и проживает, и преподает нем<ецкий>, франц<узский> и англ<ийский> студентам университета — питомцам колледжа. К сей оккупации в прошлый месяц прибавилась еще одна новая: «incaglio» преподавания славянск<их> языков при университете Павии. В этом году 2 группы русского языка: одна для студентов и одна для профессоров и внешних желающих. Занимаются охотно, и, исключая неприятность спешной ходьбы по гористым и обычно туманным, грязным или снежным улицам Павии, занятия эти приятны. Плата грошовая, как всегда в Италии для добавочных лекций. Но это почетно и также укрепляет положение в Павии. Хуже то, что в будущем году придется вести также одну группу по сербскому языку, и поэтому Пуффи приходится спешно его самому учить при помощи одного студента хорвато-итальянца и малой толики учебников. Кроме сего, готовит Пуффи книгу о Достоевском по-немецки: переводы и переделки и добавления к бывшим статьям. И еще кое-какие переводы и работы. «Дионис

и прадионис<ийство>» переводится на французский. Недавно вышла одна статья по-итальянски. Сам он сделался немного менее грустным в связи с улучшением здоровья другого моего родственника, к коему и перехожу.

Дим<итрий> Вячеславич изволили меня намного перерастить, несмотря на манеру сутулиться. В последней оскультации каверна не прослушивалась, вес прибавился и t° почти нормальная. Однако, несмотря на эти хорошие новости, он еще должен пробыть в Давосе год и после, если Бог даст не зарубцуется, должен продолжать вдвухания, даже когда будет уже учиться. Желательно же учиться в городе на значительной высоте, т. е. в Швейцарии же. Ну, там видно будет. А Швейцария, кстати, т. е. некстати, безумно дорога, и найти в ней работу нельзя абсолютно, даже частные уроки запрещены для иностранцев. Сейчас он находится в «популярном» санатории, где плата для Давоса минимальная. Пишет он стихи, но совсем особого склада, не «артистического», а размышления. Впрочем, это в мое отсутствие делается, а когда я являюсь, то он спешно глупеет, и творчество прекращается. Начинает понемногу говорить по-немецки. Я же лишь в трагических случаях могу 3 слова на сем диалекте произречь. Столько о родственниках. Впрочем, к ним нужно еще прибавить и Ольгу Александровну Шор, нашу всеобщую любовь. Название у нее в семье «Фламинго», т. е. птица египетского происхождения и цвета зари. К ней нужно было бы чувствовать гору благодарности, если бы сие чувство не проглатывалось чувством любви.

II. *Музыкальные дела.* На прошлогодних 3-хмесячных курсах получила премию — premio d'incoraggiamento от Мин<истерства> нар<одного> просв<ещения>, которую с большим трудом с бумаги удалось осуществить конкретно и только сейчас при помощи Синьорелли (наших друзей: он итальянец доктор, лечивший Диму; она русская латышка, уже 25 лет в Италии живущая, переводчица с итальянск<ого> Достоевского и других). На эти деньги можно одной прожить месяца 3. Затем имела заказ написать песни для одной драмы, которую будут весной играть в итальянских элементарных школах. Называется «Pane Nostro» и трактует о посеве, жатве и трапезе. В нее вставлены 10 хориков также для детей с аккомп<анементом> фортепьяно. Над ними пришлось месяца 4 провозиться, т. к. я уже совсем кончала обрабатывать ужасные стихи, которые мне дали (по трудности

для детей), как вдруг сообразили, что стихи и вся драма трудны для детей, и все переделали до корня. А мне пришлось переделать и музыку. Книжка драмы и моих песен только что вышла, но, увы, не имею пока ни одного экземпляра для посылки. Надеюсь получить скоро. Печатали в Милане, и из-за этого пришлось много там пробыть — месяц с 8-го янв<аря> до конца февраля вперемежку с житьем в Павии, около Пуффи. (Павия от Милана в 40 минутах поезда). Завязла же я против желания в Милане, т.к. никто другой в этом деле в музыке ничего не смыслил, и пришлось организовать всю музык<альную> часть печати самой. В результате я счастлива фактом первой своей печати. Пьеса будет играть 14-го апреля. В Милане более празднично, и я хочу туда проехать за неделю, сунуть нос, когда будут репетиции. После этого еще работала над окончательной редакцией одной своей оркестровой вещи. А теперь отдыхаю эти 3 недели, чтобы набраться сил для новых 3-хмесячных курсов. С Респиги мне работать хорошо. Мы друг друга быстро понимаем. Он драгоценен и как maestro, и как внешнее принуждение к работе. Вот сколько сухих данных. Боюсь, что ты даже недовольна и скажешь: не письмо, а протокол какой-то. Но что же поделаешь, когда так редко пишем друг другу. Очень мне неприятно, что Витя плох здоровьем и так отяжелен работой. И надо же ему было жениться! Или ему это действительно необходимо и внутренне его поддерживает? Боюсь, нет. Впрочем, кто тут судья? Кланяйся ему очень от меня. Я его очень люблю. Кланяйся также Ксеньи и Альтману¹, если будешь иметь случай. Как странно, что Вы все переехали в Ленинград, а все же вместе и неразлучны. Мне всегда казалась дружба с товарищами по учению случайной, а, оказывается, она самая настоящая-то и есть. А про других ты не знаешь? Шпитальниковы, Певзнер, Варшавская. Кланяйся и Мише Сироткину. Тоже о Володе Полежаеве хотелось бы знать. Переписываешься ли ты с Лидой и другими Гуляевыми? И как они. Сержику я пока собираться буду писать, ты ему от меня поцелуй крепчайший пошли. А где «Глазки»? Вижу, что моя Нелли заделалась «положительным человеком», бегая по столице, и хочет забыть было «провинциальный» романтизм и бури юности. Ну и в добрый час! Делайся «положительной», все равно же сердца не переменишь, стало быть, не опасно.

¹ Сверху вписано: в чем состоит его процветание?

И желаю тебе от всей души движения в работе и научной карьере и как можно большего уделения твоих сил в эту сторону и минимально необходимой на заработок. Здесь нечего терять от времени. Все равно то же самое будет и сегодня, и через год, два и три. А в науке важно не пропускать слишком время? Так ли? А как твоё здоровье? Оставили тебя колит и малокровие? Кстати, Зуммера в Харькове ведь? А Настя с ними? Как Зуммеру писать на университет? Или он проф<ессор> не в университете? Спасибо за адрес синей моей Нади. Напишу ей. Если увидишь, передай, что целую синюю сестричку мою и поздравляю с окончанием консерватории. Очень даже горда, т. к. композицию изучать она начала под влиянием моих интриг. Я и сама не ожидала от нее такой выдержки. Какая молодец! А что она с этим делает, интересно. Преподает или же тоже пишет. Вот было бы хорошо, если б мои интриги ее даже писать бы заставили! Кланяюсь ее маме и тете. И Марье Борисовне. А тебе шлю много, много любви. Твоя Лидия. Шлю глупую случайную фотографию-фильм, снятую сейчас на улице в Давосе. Это в ожидании лучшей. Очень хочу иметь твою. Здесь соединение снега с жарким солнцем. Шуба моя, вывернутое русское «кенгуру», здесь кажется шикарней. Все спрашивают — est ce que c'est un ours russe? Волосы не стриженные.

Письмо адресовано: U.R.S.S. Leningrad. С.С.С.Р. Ленинград. Петроградская сторона. Съезжинская 24, кв. 55. Елене Александровне Миллиор. Дата штемпеля отправления: 24. III. 29.

17

27-XII-29

Рим

С Новым годом, милая Нелли! Прости, что так безобразно все молчу. Завтра еду в Павию и надеюсь оттуда написать. Желаю тебе здоровья, счастья и плодотворной радостной работы на новый год. Мои музык<альные> дела хороши. Моя симф<оническая> вещь принята для исполнения в Augusteo, т. е. на римских симфонических концертах. Много работаю.

Сейчас только что кончила один очень спешный заказ. Пиши на павийский адрес пока. Крепко, крепко обнимаю.

Твоя Лидия.

Открытка с барельефом: Roma. La Nimfa Leucolea e Bacco fanciullo. 491. Ernesto Richter — Roma. Адресована: Sig-na Elena Millior. Leningrado. U.R.S.S. С.С.С.Р. Ленинград. Петроградская ст. Съезжинская 24. кв. 55. Елене Александровне Миллиор. Дата отправления по штемпелю: 28. XII. 29.

18

10-II-30

Pavia. Almo Collegio Borromeo.
c/o Prof. Venceslao Ivanov.

Милая Нелличка,

наконец-то пишу тебе весть о нас. Живу в Павии с Нового года в маленькой гостинице недалеко от папы. Застряла здесь так долго, чтобы пожить вместе, потом дешевле и, наконец, в лучшем климате, чем в Риме, где, несмотря на солнечную ясную погоду, у меня вечно болит голова (чего здесь нет). Взяла себе на прокат пианино и работаю над ф-п'анным концертом, начатым и брошенным еще в прошлом году. В этом году имела, как и в прошлом, спешный заказ: кантата для детского хора. Сочинение ее взяло у меня время до января (с ноября). Недавно, уже из Павии ездила в Виченцу сдавать лично свою рукопись и за компанию имела счастье проехать на 4 дня в Венецию. Смотрела также Падую и Верону. Рукопись облегченной кантаты поехала уже в типографию и, должно быть, уже напечатана, но большая редакция, кот<орая> меня, конечно, более интересует, еще сидит, и не знаю, пустят ли ее в этом году. Получила за этот заказ 3000 лир, что есть прожиточный минимум для 3-х месяцев. Работала 2, так что в общем довольна. Но чем я гораздо более еще счастлива, это что мои Вариации для больш<ого> оркестра прошли через комиссию при Академии S-ta Cecilia в Риме и приняты к исполнению на симфонических римских концертах в Augusteo. Исполнятся они должны, кажется, 6-го апреля. Дирижировать будет Molinari. Кроме того, Академия была так расположена ко мне, что провела решение, что

переписка партий для оркестра будет ею оплачена. А расход этот все же в 700–900 лир. Вчера я отдала партитуру переписчику, которого удалось разыскать в Павии, и очень довольна, что не придется из-за этого ездить постоянно в Милан. Около 1-го марта хочу проехать повидать своего Maestro (Respighi) в Геную, где он будет ставить свою оперу *La Campana Sommersa*. Он обещал пересмотреть еще раз партитуру Вариаций перед исполнением в Augusteo. Из Генуи уже прямо в Рим. Вот и все мои дела. Живу я с Ольгой Ал<ександровной> Шор неразлучно и даже мы так привыкли друг к другу, что берем одну комнату. Как мы умудряемся не мешать друг другу — все удивляются. Она бдит ночью, спит днем, не ест вовремя, не любит музыку; я сплю ночью, работаю днем, даже утром, ем и играю на рояле в той же комнате. Однако уживаемся мы мирно, и я очень счастлива этой дружбой. Имею также несколько друзей и в Милане, который за 35 мин<ут> езды отсюда. Дима, надеемся, последний год в Давосе и в санатории, и встает вопрос, как и где ему можно будет начать учиться. Ему остается до бакалавра года 2. Ехать в Рим сразу нельзя. Нужно будет жить где-то в горах. Либо в Швейцарии, но это невозможно дорого, если не жить в общежитии, либо во Франции. Папа очень много работает в этом году. Во-первых, у него много уроков: немецкий и английский в Collegio и русский в Университете. Затем издается целый ряд его статей по-немецки. Работ отчасти старых, отчасти новых или переделанных. «Переписка из двух углов» выйдет скоро по-итальянски. Диониса переводят на французский. Кроме того, он приводит в порядок еще не изданные стихи для будущего сборника. Наконец, у него спешный заказ из Госиздата по переводу ряда вещей Гёте.

Написала столько сведений, что письмо мое похоже, кажется, на протокол и должно быть очень скучно. Надеюсь, в другой раз лучше будет. Когда редко пишешь, трудно о себе писать лирику. Как-то кажется, что всего не перескажешь, а частично не хочется. Ты меня очень радуешь своей энергией. Трудно тебе при такой работе не запустить науку. Трудно, но необходимо. Я бы тебя иначе и мыслить не могла бы. Только здоровье старайся беречь, это первое условие. Какие там седые волосы! Я ведь тебя старше, но и не думаю считать себя не только что старой, но даже и почтенной особой. А если есть своя цель в жизни, то оно, действительно, так и есть. Был бы внутри огонь, — что есть дар, конечно. Но у тебя он есть и приведет, куда хочешь. Нужно лишь быть верной ему. Так мне кажется, когда думаю о себе, и думаю, что то же самое сказать и о тебе. Если

увидишь Надю «синюю», как я ее называла, то передай ей мой поцелуй и поздравление с рождением маленького, или маленькой. Как ее музыка? Не знаю, кто у нее: мальчик или девочка. А также и Сережу обнимаю от всего сердца и очень радуюсь, что ты с ним встретишься. Поклон Вите и Ал. Дмитриевичу и маме, когда будешь писать, и вообще всем друзьям.

Крепко, крепко обнимаю Неллис.

Твоя Лидия.

Письмо адресовано: Leningrado. U.R.S.S. Sig-na Elena Millior. C.C.C.P. Ленинград. Петроградская ст. Съезжинская 24, кв. 55. Елене Александровне Миллиор. Обратный адрес: Sped. Lidia Ivanov. Alla Collegio Borromeo. Pavia. Дата отправления по штемпелю: 12. 2. 30.

19

12-I-31
10, Vicolo S. Sebastianello
Pensionato Universitario. Roma.

Дорогая моя Нелличка,
проезжая теперь (неделю назад) через Павию, где провела праздничное время с папой и с О. А. Шор, нашим другом, застало твое письмецо от 25-Х с отчаянными упреками за молчание. Увы, письмо случайно осталось непересланным. Никаких решений бросить переписку я не делала, а если молчала, то от чистой лени, — что, конечно, скверно. К тому же сама 100 лет не пишу, а твоих писем все-таки всегда ожидаю с нетерпением.

Все это время, начиная с августа, провела с Димой. Сначала в Давосе, где был и папа, затем в городке Энгельберге, 1050 метров в горах за 2 часа езды от Люцерна. Там есть гимназия, в которой Дима по совету доктора и начал свое ученье после 3-хлетнего перерыва. Из этого ты видишь, что ему значительно лучше, хотя он еще не кончил лечения и должен каждые 2 недели ездить к доктору в Люцерн для вдувания. В Энгельберге я с ним жила, чтобы смягчить ему трудность перехода от жизни в санатории к школьному режиму. Занималась много хозяй-

ством и очень мало музыкой, т. к. жизнь в Швейцарии непосильно дорога. Добилась лишь того, что жизнь нам обошлась столько, сколько бы обошлась она в итальянском дешевом пансионе — но пришлось быть и поварихой, и прачкой, и истопником, и всем прочим. Тем временем за мое отсутствие в Риме уже случилась значительная неприятность для музык<альных> дел. Мои «Вариации» для б<ольшого> оркестра, кот<орые> исполнялись в апреле в Augusteo, должны были быть к осени уже напечатаны, и в декабре Molinari (дирижер Аугустео) обещал их взять с собой на турне в Сев<ерную> Америку. Но стоило только мне перестать встречаться музыкантам в Риме на глаза, — как они просто забыли об этом. Типография затянула, Молилари и Респиги забыли — несмотря на искреннее расположение ко мне. Этот пример мне показал, что мне обязательно нужно было приехать в Рим, что я и сделала. Дима пока поехал на 2 месяца отдохнуть в Давос, потом снова вернется учиться¹. Нашла здесь очень дешевое общежитие, ищу уроков — хотя последнее трудно при моем бродячем образе жизни — и записалась еще раз на Corsi di perfezionamento Респиги. Таким образом, могу хорошо работать с его советами и с принуждением 3 раза в неделю приносить уже что-то готовое. Курсы будут до мая. Имею и премию в 3000 лир, но вряд ли мне ее дадут в этом году, т. к. есть конкурент итальянец; а я, кстати, раз уже ее получила 3 года назад. Работаю над своим фортепианным концертом. Он уже давно пишется, но перебивался другими работами. Уже бóльшая часть его набросана — но еще тьма работы + вся оркестровка его. Начала также вспоминать технику рояля, играю Черни и прочее. Последнее в надежде суметь в случае нужды самой сыграть свой концерт — что, конечно, выгодно.

Вот тебе скучнейший отчет на сегодня. Папа в Павии и много работает между прочим над Достоевским, книга о кот<ором> должна вскоре была выйти в Германии (если общий экономич<еский> кризис сейчас не повредит этому). Сейчас пишет статью о Вергилии. Как жалко, что ты не можешь маму перевести к себе. Вы, как и мы, должны неизбежно жить врозь. Ведь также и мы 3 — все врозь. Но мне грустно за Мар<ию> Борис<овну>. Надеюсь, что со временем это уладится. Кланяйся ей нежно от меня, когда будешь писать. Буду с нетерпением ждать письма. Не пишу сама слишком длинно, чтобы войти снова в сношение. Лучше мало,

¹ Фраза вписана сверху.

но почаще. Спасибо за интересные сообщения о друзьях. Любопытно видеть, как все развиваются с годами и как люди сходятся или расходятся постепенно. Крепко, крепко целую тебя и не сердись на меня.

Твоя Лидия.

Письмо адресовано: U.R.S.S. Leningrado. С.С.С.Р. Ленинград. Проспект 25-го Октября 66, кв. 6. Елене Александровне Миллиор. Дата отправления по штемпелю: 12. 1. 31.

20

29-VI-31

Рим. Rocca di Papa

Милая Нелличка,

сегодня получила твою открыточку с скифским очаровательным козлом и так обрадовалась твоему голосу, что (о чудо!) отвечаю в тот же день. Это ничего, что еще нечего тебе о себе написать в смысле «достижения», как ты пишешь. При упорстве и любви к своей работе нельзя не достигнуть до чего-то. Per forza будут и достижения. Вот я, насколько устала за последнее время, а сейчас такие важные дни тоже для достижения. Иначе говоря, написала я симфонию в 4-х, даже 5-ти, вернее, частях. Начала оркестровать. Написала 12 стр<аниц> партитуры, а их будет, по крайней мере, 150. Перед отъездом на лето должна показать эту вещь Molinari, дирижеру Augusteo. Онный уезжает из Рима 15-го июля. Осталось 2 недели. За 2 недели можно было бы наоркестровать страниц 25, 30 еще. А я ничего не делаю! А это важно, т.к. вещь в партитуре совершенно иное впечатление производит, чем вещь в клавираусцуге, да еще нацарапанном карандашом и плохо мною сыгранном на рояле. В Риме душно и жарко. Я была сильно влюблена все это время, и симфония вся явилась результатом моей борьбы с этим чувством. Написала ее в 2 месяца, что для меня очень быстро. Сейчас мне душевно хорошо, но физически очень устала, худа, понижение желудка и кишечника, и нервы просят реакции отдыха (не во-время). Поэтому на несколько дней сбежала в Rocca di Papa,

очаровательный городишко 700 метров над Римом — любимое мое место. Здесь нашла дешевое место и старый рояль и проведу 2 недели. Авось, что-нибудь напишу. За это время начала партитуру ф-п'янного концерта своего. Затем написала несколько пустячков для film sonogo. Последнее для денег; также имею уроки, но мало, т. к. все время езжу с места на место. Кино был увеселительным делом. Осенью мои прошлогодние *Вариации* поедут в Филадельфию и другие города Америки — по крайней мере, обещано так. Ricordi их купил, и они печатаются. Лето проведем вместе либо в Давосе, либо, если Диме разрешит доктор, в горах Италии, что дешевле и здоровее для папы. Сейчас Дима в Engelberg'е один, кончает свой учебный год. У папы кончились уже занятия, и он работает над переводами своих вещей на немецкий. Переписка из двух углов с Гершензоном застряла у итальянского издателя под сукном. Выйдет spedito в будущем году. Зато напечатана по-французски. Сейчас переводится «Человек» на немецкий. Наша верная О. А. Шор с нами. Сейчас в Павии. Вот тебе несколько сведений о нас. Если мне напишешь лучше на павийский адрес пожалуй, а то еще не застанет письмо. Крепко тебя целую. Пиши. Я тебя всегда помню, если даже и не пишу. Твоя Лидия.

Где будешь летом? Поклон Марье Борисовне и поцелуи Сереже и Сержику. Не знаешь ли ты, где наша Настя?

Письмо адресовано: U.R.S.S. Leningrado. Alla Sig-na Elena Millior. C.C.C.P. Ленинград. Петр<оградская> ст. Съезжинская 24, кв. 55. Елене Александровне Миллиор. Обратный адрес: Sped. Lidia Ivanova. Roma. 10, Vicolo S. Sebastianello. Отправлено по штемпелю: 20. 6. 31.

21

Pavia. Almo Collegio Borromeo
c/o Prof. Venceslao Ivanov

Милая Нелличка,
вот уже 2, 3 месяца как собираюсь тебе писать и не пишу. А затем начала сомневаться, в Ленинграде ли ты летом или же уехала к маме в Баку. Теперь, получив твою последнюю открытку, вижу, что в Ленинграде.

Почему? Ты не сможешь поехать на Кавказ на это лето? Все твои открытки я получила и не думай, что я тебя забыла. Пишу сейчас из Рима, где провела около 3-х месяцев. Сейчас еду на месяц в горы около Bolzano, куда хочет приехать также и Дима из Энгельберга, и папа. Адрес даю павийский, чтобы не затерялись письма. Пишу тебе на последней странице партитуры моего концерта для оркестра и фортепиано, кот<орый> заканчиваю в эти дни. Это мое детище никак не могло родиться вот уже 3 года. Делала за это время и другие работы, а потом вновь бралась за него. Из-за весьма длинного срока беременности моей этим дитятей родилось существо весьма массивное и большое, стилия классического. В сентябре должна буду представить этого мальчика дирижеру римских симфонич<еских> концертов. Увидим, что будет. Вообще же я угрожающе медленно работаю, и, чем далее, тем медлительнее. Не знаю, что это, — критицизм ли, слабое ли здоровье, лень или неспособность? Не мне судить. Зашла на днях в музей капитолийский и взяла тебе эти три открытки¹. Статуи очень хороши, но фотографии, конечно, передают лишь приблизительно. Почему греческий заброшен? Мне жаль, если это так. Впрочем, ты преувеличиваешь, думаю. А как идет жизнь сердечная? Более ли спокойна ты теперь, или все в лихорадке? Я прошла через трудный период в прошлом году, но он позади. Теперь все по-новому², несмотря на то, что я возвратилась к своей прежней любви. После прошлогодней лихорадки вижу еще ясней, что эта любовь моя самая настоящая и не случайная. Она не может быть материальной, но теперь мне это уже не кажется трагическим. Сегодня пишу лишь несколько слов, чтобы прорвать долгое молчание. Не сердись за него, нет причин сердиться, я тебя уверяю.

Крепко обнимаю тебя. Твоя Лидия

Письмо адресовано: U.R.S.S. Leningrado. Alla Sig-na Elena Millior. C.C.C.P. Ленинград. Петрогр<адская> ст. Съезжинская 24, кв. 55. Елене Александровне Миллиор. Обратный адрес: Sped. Lidia Ivanova. Pavia. Collegio Borromeo. Prof. V. Ivanov. Дата отправления по штемпелю: 25. VII. 32.

¹ К письму приложены три открытки: Roma. Museo Capitolino. Fauno (Nesta), надпись на обороте: Этот мне ужасно нравится, Roma. Museo Capitolino. Vecchia, надпись на обороте: Старая пленница, Roma. Museo Capitolino. Vecchia, Safone, надпись на обороте: плакальщица (РО ИРЛИ, ф. 607, ед. хр. 436, л. 48–50).

² Было: по-другому.

15-I-39
Roma. Via Aurora, 39,
presso Della Santa

Дорогая Нелличка,
только что вернулась из Павии, где была на рождественские каникулы и где получила твое «странное» письмо. Меня оно очень тронуло. Спасибо за него. Пока еще соберусь писать, шлю тебе эту открыточку римскую. Сегодня по исключению весь день пробродила по Риму. Он сделался неузнаваем за последние перестройки и очень похорошел. Не бойся быть дилетанткой. Что за ерунда. Вовсе не похоже даже. Мы тебя очень любим. Крепко целую тебя.

Твоя Лидия.

Открытка с видом: Roma. 723. Foro Romano. Casa della Qestale; адресована: U.R.S.S. Leningrado. Gent-ma Sig-na N. Millior. С.С.С.Р. Ленинград. Съезжинская 24, кв. 55. Петроградская сторона. Елене Александровне Миллиор, отправлена по штемпелю: 16. I. 39.

Электронное издание

**ПИСЬМА
ЛИДИИ ВЯЧЕСЛАВОВНЫ ИВАНОВОЙ
К ЕЛЕНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ МИЛЛИОР
1924–1939**

Публикация Татьяны Владимировны Мисникевич

Верстка Т. О. Прокофьевой

Подписано к использованию 02.12.2019 г.

Заказ № 519

Объём издания — 0,90 МБ

Комплектация издания — 1 pdf файл

Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме
Via Ercole Rosa 8 00153 Roma Italia
e-mail: centrostudivivanov@gmail.com